

НАША СТРАНА

Год издания 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 22 ноября 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 22 de noviembre de 1986 No. 1895

П. БОНДАРЕНКО

О НЕПРИМИРИМОСТИ

Некоторые проблемы стоящие перед русской политической эмиграцией — или вернее всегда стоявшие — отличаются своей исторической исключительностью, в соответствии с исключительностью самой эмиграции.

Политические эмиграции существуют с тех пор, как существует международная политика. В самых древних документах, касающихся международных отношений, можно найти указания о политических эмигрантах.

В договоре египетского фараона Рамзеса 3-го с хеттским царем Хатушилем 2-м, заключенным в 1278 году до Р. Х., уже говорится о насильственной выдаче политических эмигрантов: "Если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну Хеттов, то царь Хеттов не будет его задерживать в своей стране, но вернет в страну Рамзеса". Еще более выразительно выражает свое отношение к политическим эмигрантам ассирийский царь Ашурбанипал (668-626 до Р. Х.). В его послании к жителям города Ниппура, Ашурбанипал, после приветствий и заявлений, что "я пребываю в добром здравии, да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья", он требует: "Вы должны захватить всех мятежников, которые ищут ныне спасения в бегстве. Подобно человеку, который у дверей просеивает зерна, вы должны отделить его от всего народа". Подобное же требование было поставлено и жителям Элама: "Если ты не выдашь мне этих людей, то я пойду на тебя войной, разорю твой город и уведу их жителей в плен... я раздавлю тебя..." Как видно, в этих древних государствах, принадлежавших к типу колоссальных централизованных государств, до-социалистического характера (социализм еще не был достигнут, так как частичное плановое хозяйство было вызвано не верой во всемогущество человеческого разума, а необходимость проведения больших ирригационных работ), придавалось большое значение политическим эмигрантам.

Совсем другое отношение к политическим эмигрантам было в государствах второго типа, то есть в государствах-городах, без всякого планового хозяйства, в которых зародились в своем первоначальном виде почти что все политические учреждения и выражения, существующие и по наши дни. В них тоже существовали политические эмигранты, но эмиграция, сама по себе, считалась наиболее тяжелым наказанием, без необходимости добиваться их репатриации, с целью наказания. В древней Греции существовал институт так называемого "остракизма"; а в древнем Риме даже свержение царской власти и выборы на место царя двух консулов повлекло за собой всего лишь "постановление народа об изгнании Луция Тарквиния с супругой и детьми".

Но все же, несмотря на такую длинную историю политических эми-

граций, русская политическая эмиграция — явление совершенно невиданное.

Иногда русское рассеяние сравнивают с еврейской диаспорой. Но это сравнение, если и оправдано в некоторых аспектах, все же не уместно. Еврейский народ лишился в свое время не только своего государства, но и своей территории. Диаспора частично существовала и до разрушения Иерусалима, продолжает существовать и после восстановления еврейского государства. Но, в промежутке между этими двумя историческими событиями, еврейская диаспора не была политической, но национально-религиозной эмиграцией. Это не была часть еврейского народа, но весь еврейский народ. Еврейский народ не был разделен на две части: на родине и в зарубежье, он весь был в зарубежье.

Точно также нельзя сравнивать — по другим причинам — русскую эмиграцию с другими современными политическими эмиграциями. Например, немецкая эмиграция времен Гитлера, хотя и имела в своей среде выдающихся представителей немецкой культуры, все же она не имела ни такой массовой характер, как русская, и не была результатом продолжительной гражданской войны. Как писал И. Л. Солоневич, Россия ответила Ленину многолетней гражданской войной, а Германия ответила Гитлеру — за малым исключением — криком Jawohl! Но, самое главное, немецкая эмиграция была весьма непродолжительной, по крайней мере по сравнению с русской. Двенадцать лет, это даже меньше одного поколения. Даже довольно многочисленная испанская эмиграция была на половину короче — до сих пор — русской эмиграции.

Таким образом, исключительная длительность русской эмиграции — несмотря на постоянные ее пополнения новыми волнами и отдельными лицами — является одним из самых существенных затруднений для сохранения ею тождественности в верности самой себе. Не только первое поколение эмиграции, но и частично второе ее поколение уходят. Это усугубляется отсутствием хорошей сети учебных заведений, особенно после разгрома культурных очагов русской эмиграции в Югославии, Чехословакии и Маньчжурии после Второй Мировой войны.

Однако, эта проблема чрезмерной длительности русской эмиграции, принципиально является второстепенной, по сравнению с ее основной задачей. Эта задача заключается в принципиальном сохранении своего собственного первоначального кредо или, другими словами, в сохранении верности тем идеалам, которые побуждали первых эмигрантов стать на тягчайший путь рассеяния. Если эмиграция забудет свои истоки, причины своего существования, она перестанет быть эмиграцией, политической эмиграцией. Даже все затруднения —

иногда принимающие действительно судьбоносный характер — вытекающие из затяжной длительности эмиграции, превышающей жизнь ее первых поколений, являются всего лишь функциональными, так как основная опасность этих затруднений заключается в том, что они ведут к отрыву от истоков и к потере первоначального самосознания.

Между прочим, эмиграция не всегда ясно сознает, что ее проблемы иногда симметричны проблемам самого режима, который эту эмиграцию вызвал. Потому что для режима еще труднее сохранять в своей среде свое собственное первоначальное самосознание. Идейные энтузиасты коммунизма кончились. В коммунизм не верят даже сами коммунисты. Зывание к коммунистическим истокам — сиречь к Марксу и Ленину — является пустым звуком. Но носители власти режима продолжают считать, что отказ от истоков приведет к развенчанию системы, а следовательно и к падению структуры, которой они управляют.

В этом отношении, эмиграция чисто принципиально гораздо лучше выдержала испытание временем: фактически она была права, само время это подтвердило и продолжает подтверждать. Даже в рамках самого режима иногда проскальзывает некое признание этого: раньше "белые" были всегда абсолютно плохими, сегодня это уже более относительно.

В такой "относительности" некоторые "мудрецы" режима и ищут спасение: променять "отрицательную" относительность белых, на "положительную" относительность красных. Тогда все станет относительно оправдан. Такая провокация особенно опасна для эмиграции, так как она не только ведет к нравственной и политической капитуляции после 70-летней непримиримости, чем ставится под вопрос сама историческая необходимость ее существования, но и лишает нашу страну всякой перспективы оздоровления. Оздоровление возможно только лишь при удалении ядовитого жала, введенного в организм нашей страны. Это ядовитое жало — идея социализма. Вокруг этого жала образовалась инфекция — социалистическая идеология.

При этом не надо забывать, что ядовитое жало имело не только интернациональный характер, но и было направлено своим острием против России, против русской православной культуры, и против всего подлинно русского.

Борьба с историческим наследием России велась, однако, при помощи всего богатства, накопленного Россией за свое тысячелетнее существование. Поэтому и борьба между "белыми" и "красными" никак не была борьбой одной части России против другой, а борьбой одной части России против коммунистиче-

ского Интернационала, при попустительстве или даже соучастии другой части России. Это не было борьбой между отдельными элементами одного плюралистического целого, а, как сказано, введением ядовитого жала в это целое, с последующей инфекцией значительных его частей. К сожалению, политический организм России не оказал достаточно сильного, чтобы оказать нужное сопротивление инфекции, и таким образом она распространилась по всему организму.

Но это еще не значит, что организм России как таковой погиб. Нет, он не только продолжает существовать, хотя и находится в многолетнем кризисе, но и продолжает сопротивляться, правда уже более пассивными и менее бурными способами. Больше того, за это время сами заразные вирусы подверглись известной дегенерации, и их будущее отнюдь не блестяще. Поэтому они вынуждены все больше и больше прибегать к мимикрии, то есть искусственному сходству окраски и формы с национальными историческими свойствами нашей страны. Причем такая мимикрия преследует еще вторичную цель: когда отрицание и сопротивление коммунизму переводится на рельсы отрицания и сопротивления всему русскому, это является лишним козырем в руках коммунизма, чтобы вызвать к одновременной защите и одного и другого.

В этом диалектическом процессе наша политическая эмиграция играет существенную роль: если ее остатки постепенно будут приведены к признанию относительности ее нетерпимости по отношению к идее коммунизма-социализма, то тогда мимикрия перестанет быть мимикрией и превратится в окончательный симбиоз. Но окончательный симбиоз между паразитом — в данном случае системой социализма — и жертвой — в данном случае нашей страной — ведет в конечном итоге к гибели обоих: и жертвы, и паразита. Единственной альтернативой является устранение паразита, для того чтобы спасти жертву.

Пути для осуществления этой последней альтернативы зависят от многих обстоятельств, и, несомненно, могут быть сложными и даже извилистыми. Но одно несомненно: где-то должен быть неугасаемый маяк, ориентирующий окончательную цель любых путей для спасения России.

Этим маяком является принципиальная непримиримость по отношению к ложной и отрицательной идее коммунизма. Такая непримиримость может быть полностью показана только лишь вне географических границ режима, но при этом все же в рамках подлинной русскости, без чужеродных влияний. То есть: единственно в рамках русской эмиграции.

В этом заключается ее историческая миссия.

П. БОНДАРЕНКО

ПЕЧАТЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

В "Вестнике РХД." № 147, Д. М. Панин резюмирует произошедший в его душе пересмотр отношений к католицизму: "Перед отъездом на Запад я принял в Литве католичество, полагая себя солдатом воинствующей Церкви, способным вступить в ряды борцов с мировым злом. Вскоре я горько разочаровался. Ряд борцов обнаружить не удалось, иезуиты и доминиканцы, за редким исключением, из защитников римского престола превратились в робких чиновников, озабоченных, главным образом, тем, чтобы их не упрекнули в антикоммунизме и антисоветизме. Большинство священников и епископов разделяли левые взгляды, и их сознание было отравлено ядом марксизма; дисциплина отсутствовала, указания папы стали необязательными, сутаны были сброшены, единый язык Церкви упразднен. Большим бедствием были страсть к переменам и протестантские веяния... Рим не осудил решительно и не предал анафеме такую жуткую ересь, как теология освобождения, — гибрид марксизма и безбожия".

Тогда как, в отличие от переживаемого на Западе упадка: "Православная Церковь неизменно стоит на евангельских заветах... Мистическая глубина и мудрость православной Церкви высоко оценены богословской мыслью".

Комментируя статью, редактор журнала, Н. Струве, от себя добавляет: "Действительно, за последние четверть века римская Церковь пережила, может быть, самый страшный кризис своей истории... Как будто, смеем надеяться, разложение приостановлено. Но" — заключает он — "будем осторожны".

ЖЕРТВА, — НО ЗА ЧТО?

В № 134 журнала "Алеф", Г. Елин горячо протестует против признания Переца Маркиша, расстрелянного в СССР в 1952 году "талантливого поэта, писавшего на идише, переведенного и изданного на русском языке", жертвой, "казненной во имя еврейского народа".

"Но Перец Маркиш был не только талантливым поэтом — он был также преданным членом коммунистической партии, и посвятил свой большой талант не своему народу, а служению коммунистическому строю. Всей душой он был предан целям и "идеалам" коммунизма и всецело разделял ненависть коммунистов к буржуазии, капитализму, к вере и верующим в Бога".

Следуют цитаты из произведений Маркиша и из отзывов о нем в советской печати, целиком подтверждающие такую именно точку зрения. Соответственно тому: "За преданность идеалам коммунизма, за верное служение им, Перец Маркиш был награжден орденом Ленина".

Г. Елин считает, что присваивать подобному человеку титул национального еврейского героя было бы не более, не менее как *святотатство*.

Вопрос приобретает некоторую актуальность в связи с деятельностью сына погибшего поэта, Шимона Маркиша, известного своею крайнею русофобией. Разжигая не-

нависть между русскими и евреями, не служит ли он, — сознательно или бессознательно, иное дело, — опять же интересам мирового коммунизма?

ДРАКА У КОРМУШКИ

Между писателями и журналистами из третьей волны (на которых иные из нас возлагали большие надежды...) разгорелась сейчас (начавшись с удаления Г. Владимова с поста редактора "Граней") пребезобразная свара. В свалке, они дерутся, забывая всякие правила, осыпая друг друга самыми неприличными оскорблениями и самыми чудовищными обвинениями. В дело замешаны уже "Континент", "Синтаксис", "Вечерний Звон", "Время и мы", а также и "Русская Мысль" (хотя и орган первой эмиграции); а там — впутаются, вероятно, и другие еще.

Что же? — скажут мне, — "Разве до новейшие не спорили и не ссорились!" Увы! То, да не то! Тогда борьба шла вокруг убеждений (и если редакторы или лидеры имели порою свои расчеты, то их стыдливо скрывали). Теперь, — грызутся с полною откровенностью за иностранные субсидии.

Право, хоть бы хозяева-то прикрикнули! Да где там: каков поп, таков и приход (а в данном случае, — наоборот).

Вот и то взять: в чем участники спора одни других упрекают, в чем они оправдываются? Можно бы ждать: люди доказывают свою верность России, свое беспокойство за ее интересы? Не тут-то было: каждый старается уверить Запад, что он ему полезнее, больше ему выгоды принесет, и на все, на что угодно, из преданности к нему де пойдет...

Только Солженицын и его единомышленники в скандале участия не принимают (хотя брань по их адресу льется потоком, и попытки их тоже втянуть в свистопляску усердно делаются).

Хочется сказать воинам, сражающимся в сей бесславной битве: "Стыдно, господа!"

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИСЬ!

В "Русской Мысли" от 24 октября с. г., читаем рекламную заметку о французском журнале "Est et Ouest", где название его передано по-русски так: "Эст е Уэст". Глазам своим не веришь! Сотрудники данной газеты живут за границей в среднем лет по 50, — и до сих пор не научились по-французски: хотя родной язык крепко подзабыли. Они не понимают и не знают, что французское *et* в русской речи произносится и всегда пишется э; например, в названиях департаментов Франции, как *Ло э Гаронн* или *Иль э Вилэн*. Чтобы изобразить русское *e* в начале слова или взятое отдельно, — к сведению парижских гуржурналистов, — французы пишут латинскими буквами *ie* или же *ue*.

Коснемся заодно и содержания заметки, подписанной инициалами *Н. Д.* Журнал "Эст е Уэст" (не будем следовать курьезной орфографии наших собратьев из "La Pensée Russe"!); положим, антикоммунистической, и его законно поддерживать. Но странно видеть, в форме высшей похвалы, указание, что: "В журнале регулярно печатались... Люсьен Лора, бывший в свое время

корреспондентом газеты "Юманите" в Вене и Берлине и преподавателем в школе Коминтерна в Москве; Анри Барбье, бывший секретарь ЦКФКП".

Конечно, мы готовы простить их вины раскаявшимся коммунистам, будь они французы, русские или китайцы, — а все же... в таком прошлом гордиться ведь нечем!

ЧЕРЕСЧУР КОРОТКО

В конце журнала "Грани" № 149, в отделе "Коротко об авторах", с некоторым удивлением читаем справку:

"Аксенов, Василий Павлович, род. 20 августа в Казани в семье партработников, в 1937 году репрессированных".

20 августа, — но *какого же года?* В той форме, как она дана, справка может быть полезна, пожалуй, только для астрологов!

Не то, чтобы нас специально интересовал возраст писателя; можно бы его и не указывать. Но тогда — зачем же сообщать число и месяц? Или для того, чтобы дать возможность поклонникам поздравить своевременно г-на Аксенова со днем рождения?

Как факт, получается нечто прищипское, в стиле: "Месяц был, но года не было".

НОВОЯЗЫЧЕСТВО

В "Континенте" № 49 опубликован любопытный в своем роде рассказ А. Тарковского "Жертвоприношение". Вот содержание. Живет в Западной Германии некто г-н Александер с женою и детьми. Все они панически, патологически боятся войны. Вдруг известие по радио, что она началась... Их страх таков, что их знакомому доктору приходится им сделать, каждому, усыпительное вспрыскивание.

При таких обстоятельствах, Александер обращается к Богу с... молитвой? нет, скорее заклинанием, или даже деловым предложением: пусть сделает бывшее небывшим, чтобы войны не было: а он зато, Александер, пожертвует всеми радостями жизни. Тут некий почтальон подсказывает ему странное средство: если он, Александер, переспит со своею горничной, его желание исполнится. Тот данный совет сразу и выполняет. И вот — просыпается на утро, а никакой войны нет! Тогда он, во исполнения условия, поджигает свой дом. Его увозят в сумасшедший дом. Занавес.

Нормально, что люди, утратившие веру, впадают в самые дикие суеверия. С *каким* богом, с *какими* силами общался и вел переговоры герой рассказа, к *кому* обращался? Конечно, речь шла не о христианском Боге. Впрочем, ни Аллах, ни Иегова тоже подобных жертвоприношений бы не приняли, и подобные формы колдовства отвергли бы.

Действия персонажа А. Тарковского, — на уровне черной магии, примитивного, темного шаманизма. Разумеется, несчастный играл с бесами, подсунувшими ему галлюцинацию (пользуясь его *обсессией*, его запуганностью войной), и подбили на грех и глупость. Но, отметим, автор его ничуть не осуждает, и даже, скорее, предлагает нам в пример!

В. Р.

Языковые Уродства

ПАБЛО ВЕРОНЕЗЕ

Л. Друскин предпосылает своей "Спасенной книге" (Лондон, 1984) эпиграф из итальянского художника, приведенный, впрочем, по-русски. Тут мы ни против чего не возражаем; кроме поставленной под шитатой подписи: *Пабло Веронезе*.

Почему же *Пабло*? По действующим правилам, христианские имена иностранных писателей, ученых, политических деятелей и т. п. у нас даются в их национальной форме: *Поль Верлен*, *Пабло Неруда*; но, соответственно, *Паоло Веронезе*!

ТУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Заметка в израильском журнале "Круг" № 481, "Снова о сокровищах испанских галеонов", начинается словами: "Дно Кадисского залива (на его берегу расположен город Кадис, в старом написании — Кадикс) не однажды подвергалось углублению и очистке".

Спрашиваешь себя, а для чего же нужно какое-то *новое написание* для имени города, испокон фигурировавшего у нас в книгах и на картах под названием *Кадикс*? Тут даже и на произношение не приходится ссылаться: по-испански *Cádiz* имеет на конце звук английского глухого ти-эйч, лишь очень отдаленно похожего на русское *с*. Но большевики одержимы манией изменять и упрощать; им кажется, что глупые русские люди неспособны справиться со сложностью исторически сложившихся местных названий. Журнал-то, пожалуй, и не виноват: он следует нынешним советским правилам. Весьма, впрочем, недавним. Откроем "Испанско-русский словарь" под редакцией Ф. Кельмина (Москва, 1954). В тексте мы находим такое разъяснение: *gaditano* "кадикский", "уроженец Кадикса". Правда, в конце дан в виде приложения список географических названий, и вот там мы и впрямь обнаруживаем это самое отталкивающее *Кадис*.

Между прочим, и правильным старым названием упоминаемой в заметке бухты является по-русски: *Гадитанский Залив*. Но это уж для советских "грамотеев" и вовсе было бы непереносимо!

Зато уж в счет журналу поставим сообщение о находке "монет времен Тунисских войн". Даже и непонятным осталось бы, о чем идет речь, если бы не давалось в скобках уточнение: "(между Римом и Карфагеном, 3-й-2-й век до н. э.)". Уж не знаем, просто ли это опечатка, или на автора повлияла мысль о *Тунисе* (на территории которого и впрямь стоял Карфаген)?

На деле, *тунисские войны* связаны не с Тунисом, а с *пунийцами*, как римляне именовали карфагенян; а это слово, в свою очередь, происходит от названия их предков *финикийцев*.

Отметим еще, что испанское слово *galeón* обычно-то по-русски, — в том числе и в советских источниках, — передается через "Галион", а не *галеон*; но это уже мелочь.

Аркадий Рахманов

А. ФЕДОСЕЕВ

О будущей России

1. СОБОРНОСТЬ И АВТОРИТАРНОСТЬ

"Соборность", "авторитарность", "народоправие", "Самодержавие", "монархия", "республика", "демократия", "парламентарный строй" — термины, которыми мы пользуемся, чтобы обозначить то, что мы считаем наиболее подходящим (или, наоборот, наименее подходящим) для организации нашей жизни, то есть жизни общества. Ясно, что человеку, живущему всю жизнь в одиночестве (скажем на необитаемом острове), все эти термины не нужны. Он сам организует свою жизнь полностью по своему усмотрению. Сделав ошибку, он сам за нее и расплачивается. Не то, что в современном обществе, где за ошибки одних расплачиваются другие.

В первобытной семье, жившей в доисторические времена, без контактов с другими семьями, эти термины тоже не нужны. Организация жизни семьи естественным образом решалась ее главой при согласии и сотрудничестве всех членов семьи. Раздоры были опасны, так как могли привести к гибели части или всей семьи. Выживать среди дикой природы и диких зверей было трудно и тесное сотрудничество и согласие были вопросами жизни и смерти.

К этому сорту управления жизнью семьи несколько незаконно, но можно применить понятие "соборности", то есть управления с помощью общего сотрудничества.

Некоторая незаконность в том, что термин "соборность" относится к значительно большим группам людей, чем семья, притом людей, не связанных родством.

Если не очень придирается к точности определения, то в семье действовали и "народоправие" (если считать членов семьи народом) и "самодержавие" (глава семьи был самодержцем) и "авторитарный" строй (в интересах выживания глава семьи имел, естественно, авторитет и доверие со стороны членов семьи, следовавших его указаниям с их собственного добровольного со-

гласия и, конечно, не без участия в принятии решений). Важно отметить, что очевидные преимущества соборности и авторитарности для выживания каждого члена семьи без всякого участия мысли в этом деле. *Соборность и авторитарность были следствием инстинкта самосохранения.* Осуществление их было естественным процессом жизни, договориться, как, сообща, скажем, убить зверя, было не трудно: каждый знал о другом все, что нужно было знать для этого.

Вслед за первобытной семьей появилось первобытное племя, то есть зародыш будущего человеческого общества. Племя состояло из многих семей. Родственные связи уже не составляли единственную основу организации жизни. Появились более широкие связи — племенные. *Суть их состояла по-прежнему в общности задачи выживания в условиях враждебной природы и угрозы существованию со стороны других племен.*

К племени понятия "соборности" и "авторитарности" применимы уже полностью. Организация жизни племени основывалась на авторитарности вождя и на соборности управления. Все еще соборность и авторитарность диктовались общностью (очевидной) задачи выжить и инстинктом самосохранения. Без авторитарности и соборности шанс гибели в борьбе с природой или с другими племенами был бы очень велик. Осуществление соборности тоже все еще не представляло большей проблемы: этого хотели, все друг друга знали, всё было у всех на виду.

С ростом численности членов племени пришлось радикально усложнить структуру управления: пришлось ввести помощников вождю. Это, естественно, ослабило взаимные личные связи вождя с членами племени. Его авторитет стал менее конкретным, так как действовал через помощников. Связь через помощников затрудняла достижение общего согласия. И соборность и авторитар-

ность ослабели.

По мере дальнейшего роста численности племени и по мере объединения племен в первичные государственные образования, их структура управления по необходимости усложнялась и становилась все более и более иерархичной: у вождя или главы государства появилось больше и больше помощников, а у помощников появились свои помощники и т. д. Вместе со снижением соборности и авторитарности снижалась и эффективность управления. Единство духа населения сильно ослабло.

Раньше авторитет вождя складывался в его повседневном личном общении с членами племени при принятии решений и при следовании им с общим участием и согласием. Теперь это стало физически невозможным. Авторитет становился простым символом государственной власти. Многие члены населения не знали вождя лично, не ощущали его авторитета для себя, не считали его авторитетом в вопросах своей жизни, его авторитет стал простым выражением степени его власти.

Стало исчезать и сознание общности судьбы. Человек мог жить лучше или хуже вне прямой связи с жизнью других людей. Мог даже рассматривать других людей, как помеху себе, как противников, а не союзников.

Авторитарность и соборность исчезли, превратились в нереальные абстракции.

Колоссальный "авторитет", например, Сталина был основан на подкупе многих миллионов людей возможностью вылезти из грязи в князи, получить власть, пограбить. Все это за счет еще более многочисленных миллионов, устранных массовым террором и ставших жертвой процесса строительства социализма и необходимого для этого авторитета власти Сталина. Ясно, что "авторитарность" Сталина (или Гитлера) основывалась не на его человеческом превосходстве перед другими, а определялась властью, полученной с

помощью тривиального подкупа. Сталин не являлся в этом смысле авторитетом. *"Авторитарность" Сталина есть прямая противоположность авторитарности прежних вождей: скажем, Великого Новгорода или Киевской Руси.* Точно так же "соборность" подкупленных миллионов не представляет собой настоящей соборности.

В современном государстве люди общаются с весьма ограниченным кругом других людей и не имеют никакого представления о миллионах других граждан их общего государства. Их качества и точки зрения им неизвестны. Точно также, конкретные личные качества людей, руководящих государством, гражданам, практически, неизвестны тоже, если не считать слухи, и, часто, небывлицы, проникающие в прессу. Даже если бы они были известны, что бы изменилось? Взаимодействия-то все равно нет.

Это значит, что в современном государстве так нам желательные соборность и авторитарность просто невозможны. Нет и таких людей или гениев, которые могли бы стать духовными и политическими авторитетами не только для всего населения, но даже хотя бы большинства.

Это, конечно, не мешает, под действием тоски по благородству далекого прошлого, мечтать об авторитетах и соборности, держаться этих понятий в рассуждениях об управлении государством, стремиться к их осуществлению, считая их возможными в наше время. Все это, естественно, совершенно напрасно. Прошлое не возратить. Мы ведь потому и желаем их, что их нет и не может быть.

В современном обществе миллионов чужих друг другу людей пришлось обращаться к понятиям "народоправия", "парламентаризма", "демократии" в качестве суррогатозаменителей прежних настоящих соборности и авторитарности.

А. ФЕДОСЕЕВ

НОВИНКИ

Издательство "Наша Страна" получило ограниченное количество прекрасно изданных, художественных книг по очень дешевой цене. — Позаботьтесь о подарках к праздникам!

Сокровища русского искусства — 11-16 веков. (По-русски — в красках)	25.-	ам. долл.	▲	20.-
Врубель — Серия "Русские художники". (На 4-х языках — в красках)	15.-	"	"	12.-
Рябушкин — Серия "Русские художники". (На 4-х языках — в красках)	15	"	"	12.-
Передвижники — Серия "Русские художники". (На 4-х языках — в красках)	30.-	"	"	25.-
La armeria del Kremlin. (По-испански — черно-белое)	10.-	"	"	8.-
Петродворец — Дворцово-парковый ансамбль 18-го века. (На 4-х языках — в красках)	10.-	"	"	8.-
Современное народное искусство. (По-русски — в красках)	20.-	"	"	15.-
Современная русская архитектура. (По-русски — в красках)	15.-	"	"	12.-
Russian applied art. — 18-го, начала 20-го веков. (По-английски — в красках)	30.-	"	"	25.-
Сергей Герасимов. (На 4-х языках — в красках)	25.-	"	"	20.-
Кивая Антарктика. (По-русски — в красках)	35.-	"	"	30.-
Народное самодеятельное искусство. (На 2-х языках — в красках)	20.-	"	"	15.-
Русское стекло. (На 3-х языках — в красках)	10.-	"	"	8.-
Музей-квартира Пушкина. (На 5-ти языках — в красках)	20.-	"	"	15.-
В краю великих вдохновений (Пушкин). (На 2-х языках — в красках)	10.-	"	"	8.-
Минск. (На 3-х языках — в красках)	10.-	"	"	8.-
Новгород. (На 2-х языках — в красках)	25.-	"	"	20.-
Волга. (По-русски — в красках)	25.-	"	"	20.-
Русские писатели (30 портретов). (Черно-белые)	10.-	"	"	8.-
Петров-Водкин — Мастера мировой живописи. (На 2-х языках)	12.-	"	"	10.-
Павел Корин — Мастера мировой живописи. (На 2-х языках)	20.-	"	"	15.-
Борис Крюков. (На 2-х языках)	25.-	"	"	20.-

Заказывать книги в издательстве "Наша Страна" Miguel Kireeff, Monroe 3578, 1 — 11 Buenos Aires Arg. Пересылка простой, заказной почтой за счет покупателя, прибавив к цене экземпляра 20 %.

Подписка на "Нашу Страну" принимается на любое количество номеров, по ценам указанным в каждом номере газеты, на 4-ой странице.

Вышла из печати и поступила в продажу:

"ПАМЯТКА 1-ой РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ. БЕЛГРАД 1920 — 1944".

Прекрасно изданная книга содержит большое количество фотографий.

Цена: 23 ам. долл.

В Аргентине: 20 австралий.

Заказы направлять по адресу:

Mr. G. MITKEVICH — 2 Peter St. HUNTINGTON STA. NY 11746 USA

Tel. (516) 421-5606

В Аргентине по адресу:

Sra. M. de LOVCOVS — Pasaje 134 No. 751, 1653 V. BALLESTER Prov. Bs. As. Tel. 768-3237

БИБЛИОГРАФИЯ

Henry Troyat. "Gorki" (Paris, 1986)

Книгу читаешь с большим разочарованием. Наш соотечественник, русский эмигрант армянского происхождения, ставший известным французским писателем и даже членом Академии, помимо романов специализировался на составлении биографий выдающихся людей России. Однако, они у него получаются весьма разного качества. Так, о Пушкине ("Pouchkine", 1953) у него вышла большая и превосходная работа со многими ценными данными (в том числе, касательно Дантеса); о Лермонтове ("L'étrange destin de Lermontov", 1952), напротив, — коротенькая и малосодержательная сводка общедоступных фактов.

К сожалению, о Горьком, — уровень компиляции оказался еще ниже. Сведения о нем, в частности, об его молодости, целиком почерпнуты из его же сочинений, — "Детство", "В людях", "Мои университеты". Между тем, общеизвестно, что воспоминания людей о себе самих, как правило, не бывают вполне правдивыми, в том числе и у тех, кто пишет вполне искренно. Горький же — автор крайне субъективный и пристрастный, который всегда говорит ad probandum, non ad narrandum. Вполне вероятно, что подлинные личности, скажем, его дедушки или его отчима, были иные, и не исключено, — менее антипатичные, чем в его зарисовке.

Ну, это бы еще не столь важно. Существеннее другое: Горький изображает всю жизнь царской России в конце прошлого и в начале нынешнего века в черных красках. А Труайя совершенно некритически его рассказ воспроизводит, — для французской и иной иностранной публики! — без малейших оговорок.

Дальше, когда мы переходим к карьере Максима Горького как журналиста, писателя и общественного деятеля, — дело идет еще хуже. Политические события в России, атмос-

фера литературного и художественного мира, быт интеллигенции, — все это дано совершенно в духе большевистских учебников и газетных статей. Удивительно: и это — Труайя, который в своих романах выражает совсем другие (и гораздо более здравые) взгляды!

Отзывы о царе, о правительстве, даже о столь замечательном человеке как Столыпин, — всюду враждебные и презрительные, безо всякой попытки понять мотивы их действий.

О характере Горького, о сущности и об эволюции его души, мы не узнаем почти что ничего. Почти что: кое-какие верные и даже блестящие наблюдения все же проскользнули под перо биографа. Метко указана его ненависть самоучки и недоучки ко всей настоящей интеллигенции, и его нутряная, бессмысленная злоба против всех богатых или хотя бы обеспеченных материально людей, родившаяся на почве бедности, в которой он провел свои ранние годы.

Чрезвычайно поверхностны встречаемые нами тут упоминания о произведениях писателя, — романах, рассказах, пьесах. Содержание их чаще всего не излагается, персонажи и развиваемые в них идеи не анализируются, кроме как в нескольких словах. Между тем, Труайя способный читать эти вещи в оригинале и сам опытный писатель, как раз на сей счет мог бы высказать интересные мысли. Сравнительно обстоятельнее остального, хотя тоже сжато, изложена история фрондированных Горьким большевиков во время революции и сразу после нее, и игравшая им роль заступника и покровителя либеральной интеллигенции.

Об его жизни потом за границей, в Германии и в Италии, нам сообщаются обильные бытовые подробности, и кое-что об его политических выступлениях; но проникнуть в его чувства и размышления тех лет автор нам никак не помогает.

Вполне справедливые недоверие и враждебность ко связанному с большевизмом писателю со стороны русской эмиграции, людей как Э.

своего пленника". Тот же Аслан-бек так формулирует потом свой взгляд: "Да... Каждый из нас служил и служит своему народу. А Бог один знает, где правда".

Автор ничуть не затушевывает ужасы и жестокости борьбы. Мы видим как черкесы истребляют поголовно захваченный врасплох русский отряд (правда, те отказались сдаться); как позже карательная экспедиция берет штурмом и разрушает горский аул (беспособные жители запираются в наилучшем укрепленном доме и сжигаются заживо, с тем, чтобы и противники похуже пострадали).

Но у бойцов того и другого лагеря наравне царит культ чести и долга. И в этом залог их будущего союза в рамках единой империи, и их совместной работы на общее благо.

Те люди знали, что их судит Бог, и что надо вести себя по совести, согласно унаследованным традициям. А мы живем в мире, утратившем веру, потерявшем нравственность, не имеющем иного закона, кроме угождения грязным, разнузданным страстям и служения зыбким, многообразным теориям. Ни к чему иному, помимо гибели, на таком пути не придет. Пора бы обернуться на тени великих предков и у них поучиться!

Савва Юрченко

Гиппиус, Д. Мережковский, И. Бунин, даже Т. Алексинская, комментируются у Труайя если не с неодобрением и с осуждением, то с полным равнодушием, словно бы речь шла о капризах или причудах оторвавшихся от родины оригиналов!

Несколько правдивее и разумнее реагирует французский писатель на события, относящиеся к периоду после возвращения Горького в СССР и полного его подчинения советскому режиму. И то сказать, в наши дни трудно бы было идеализировать сталинщину! Но того и в помине нету, чтобы указать подлинную глубину падения этого незаурядного все же человека, чтобы раскрыть степень его соучастия в преступлениях кровавой, чудовищной эпохи, деликатно именуемой ныне временем *культы личности*.

Приходится констатировать, что 260 страниц, посвященных Горькому, за подписью Анри Труайя, представляют собою капитальную творческую неудачу. Не следовало бы вовсе восхвалять посредственного в сущности писателя, во всяком случае исчерпавшего полностью свое дарование еще в молодые годы. Еще более того, если уж о нем трактовать, не подобало прикрывать стыдливо наготу его в период заката, вместо того, чтобы мужественно сказать о нем грустную, отталкивающую правду.

Но об этом не стоит беспокоиться: правду-то, ее уже многие высказывали, и по-русски и на иностранных языках: только, покамест, фрагментарно и разбросанно. Со временем же появятся и детальные биографии Буревестника Революции, превратившегося из анархиста и индивидуалиста в послушного раба самого свирепого и гнусного строя, какой до сих пор был известен человечеству.

Насчет завершения жизни Алексея Максимовича Пешкова, Труайя не слишком категоричен. Он явно склоняет к версии естественной кончины и решительно отвергает сказки об отравлении писателя *фашистскими заговорщиками*. Но вот вопрос о

том, не убрал ли его, по своим тайным расчетам сам Сталин (как утверждал, между прочим, И. Гузенко) — этот вопрос остается открытым.

Владимир Рудинский

"Песенник Российского Воина", Том 2. Под редакцией В. Н. Мантулина, Нью Йорк, 1986.

Прекрасно, художественно оформленный, этот песенник-альбом содержит 50 разных популярных и военных песен, кантат и маршей.

В предисловии, автор-редактор "Песенника" дает пояснения к каждому музыкальному произведению как на русском, так и на английском языках.

Кроме того, каждое произведение имеет текст на двух языках и музыкальную обработку — ноты для мужского хора, и украшено иллюстрациями лучших художников.

Большую патриотическую работу проделал В. Н. Мантулин для сохранения от забвения нашей военной песни, которая является частью истории Русской Императорской Армии.

Кто-то сказал: "Хорошая песня соединяет тысячи сердец в одно большое сердце".

Вероятно этот песенник разными неведомыми путями проникнет и за "железный занавес", где он будет ходить по рукам и размножаться, как был случай с кассетой напетой Юрием Таракановым и по имеющимся сведениям имеющей большой успех у нас на родине.

Во всяком случае, в эмиграции, этот "Песенник" может послужить пособием для русских школ (обучение молодежи русскому пению) или как награды ученикам за успешное учение.

Цена песенника 15 долларов. Пересылка — 1 доллар. Заказы направлять по адресу: V. N. MANTULIN, 1185 Navrashaun Rd., PEARL RIVER, NY 10965 USA.

А. З.

Среди книг

СТОЛКНОВЕНИЕ ГЕРОЕВ

Роман "Рыцари гор", изданный в Петербурге в 1911 году, принадлежит к числу лучших вещей В. Немировича-Данченко (а он писал много, и на разном уровне), как и некоторые другие о Кавказе, который он любил и хорошо знал. Действие происходит в годы завоевания, и выдержано целиком в традициях Лермонтова и Марлинского: уважения и сочувствия к обеим сторонам. Как мы от того далеки ныне! Теперь даже европейские державы воюют друг с другом в духе тотальной ненависти, а уж об идеологических и гражданских войнах что и говорить!

В те же времена умели сражаться по-рыцарски. Вот сцена допроса пленного черкеса русским полковником: "Ты понимаешь по-русски?" — "Да, господин". — "Как тебя звать?" — "Аслан-бек". — "Из Канбулатова аула" — приподнялся Вадковский — "Вы в прошлом году напали на Анапу?" — "Да, господин". — "Васька! Поддай стул... Очень жалею, что при таких печальных обстоятельствах вы являетесь моим гостем". — "Судьба изменчива. Сегодня я, завтра, может быть, вы будете у нас...: — "Не прикажете ли чаю? Капитан, угощайте же

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ

До нас дошли вести о разыгравшейся в Париже жуткой и загадочной трагедии, одной из тех, которые время от времени потрясают тамошнюю русскую колонию. Сгорела Ангелина Николаевна Галич, вдова известного поэта и певца Александра Галича. Сгорела не в фигуральном или метафизическом смысле, а вполне буквально.

Дело произошло 30 сентября. В 10 часов вечера ее близкая подруга звонила ей по телефону, и все обстояло нормально. А в 5 часов утра соседи заметили, что из ее комнаты идет дым. Вызванные пожарные обнаружили в комнате, среди сильно пострадавшей мебели, обгорелые трупы хозяйки и ее собаки. Очевидно, А. Н. Галич задохлась во сне. Огонь мог возникнуть от непотушенной папиросы. Но почему же она не проснулась?

Вспомним, что ее муж погиб от столь же удивительного происшествия. Он пытался починить испортившийся телевизор, и его убило на месте электрическим током. Случай, в своем роде, исключительный. И вот теперь, не менее странным образом, последовала за ним и его супруга. Хочется сказать, перефразировав слова Лермонтова:

Ужасная судьба жены и мужа!

Но еще более, перед лицом двух подряд необычных и страшных инцидентов, всплывает строчка из Брюсова:

Словно их преследовал неумолимый рок...

Однако, как не подумать, случайность ли все это? Или уж не скрывается ли за непонятными событиями чья-то незримая злодейская рука?

Е. Веденеева

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-8062. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - \$ 0,40. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980